

Картинная галерея 3/1983

БОРИС АНГЕЛУШЕВ — Иллюстрация к „Чешским сказкам“ К. Я. Эрбена

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА
ИЗДАНИЕ СОЮЗА
БОЛГАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
И СОЮЗА
БОЛГАРСКИХ ХУДОЖНИКОВ

МАРТ 1983 г. НОМЕР 3
ГОД. ИЗД. XXVII

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор
РОСЕН ВАСИЛЕВ

Зам. гл. редактора
ПЕТР ПЕТРОВ

Зам. гл. редактора
ЦИЛИЯ ЛАЧЕВА

АСЕН БОСЕВ
ГЕОРГИЙ КОВАЧЕВ
ДИМИТР АВРАМОВ
ДИМИТРИНА ЙОСИФОВА
ИВАН РАДЕВ
МИХАИЛ РАЙЧЕВ
ПЕТР СТЫПОВ

Технический редактор
Мая Стефанова

Корректор
Наталья Хвостова

РЕДАКЦИЯ:
София, пл. Славеякова 2—А
Гл. редактор: 87-07-01
Редакция и администрация:
87-04-58, 88-29-75

ГТ им. ГЕОРГИЯ ДИМИТРОВА,
бул. Ленина 117
КОД 9526158312

ISSN 0204 — 837 X

На обложке: ВАН ГОГ — Подсолнухи

ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Стефан Станчев
БЕЛОГРАДЧИКСКИЕ СКАЛЫ

Сергей Михалков
БАСНИ

Катерина Илинчева
„КРАСКИ ПРИВЕЧАЮТ ДРУГ ДРУГА...“

Борис Крумов
БОЛГАРСКАЯ МАТЬ — рассказ

Стефан Матев
ЮНЫЕ „МАГИ“

Христо Ковачевский
ВИНСЕНТ ВАН ГОГ

Бисера Йосифова
ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛИЕ ИВАНА АЛЕКСАНДРА

Димитрина Колева
ЖИЗНЬ В БОРЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ

Крум Григоров
ОСЛИЦА — рассказ

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПАЛИТРА

† ꙗкоу акаѣ въ крѣпости
инокъ и свѣщенникъ
црѣца и славодержица
къ сѣмь

блѣгаромъ
и нѣкогда

† ꙗкоу акаѣ въ крѣпости
инокъ и свѣщенникъ

и славодержица
къ сѣмь блѣгаромъ
и нѣкогда

† ꙗкоу акаѣ въ крѣпости
инокъ и свѣщенникъ
црѣца и славодержица
къ сѣмь

† ꙗкоу акаѣ въ крѣпости
инокъ и свѣщенникъ
црѣца и славодержица
къ сѣмь

Художественная цветная миниатюра из Четвероевангелия Ивана Александра. На ней изображены царь Иван Александр, его вторая супруга Теодора и сыновья Иван Шишман и Иван Асенъ

ПРИРОДА — ХУДОЖНИК

БЕЛОГРАДЧИКСКИЕ СКАЛЫ

Все в природе — поле и лес, роза и хризантема, шустрый воробей и золотистая иволга, пестроцветный луг и скалистые утесы на заре или в час заката, красочное сияние неба в любую пору года — всегда и повсюду вызывает изумление. Природа поистине художник-чудодей! Ее творения от самого простого до самого совершенного — Человека есть сама живительная живина, стройная гармония, созвучие красок и форм.

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык. . .

А ко всему сказанному чудесным русским поэтом Ф. И. Тютчевым хочется прибавить, что природа еще и истинный художник-чародей, заставивший Вольтера пасть на колени перед живым пейзажем, а Курбе воскликнуть: „Среди природы я негодую на себя за свои картины!“ Да какой живописец не заимствовал красок у пышной палитры природы, какой поэт не воспевал ее щедрый песенный дар! Издавна поэты и художники были поклонниками природы, среди них и поныне непревзойденный в болгарской литературе Иван Вазов.

Часто говорят, что природа с неподражаемым мастерством рисует и ваяет красоту жизни. Так Дидро утверждал, что единственно картины природы достойны восхищения. Что бы смогло искусство, лиши его природа солнца, света? Волшебной своей силы, ко-

торая сделалась и силой искусства? Живо-творящий свет, игра светотени и полутени придают неповторимую прелесть и природе, и произведению искусства. Подтверждение этого — творения геологических эпох на земле — Белоградчикские скалы.

Это чудо природы особенно впечатляюще возле города Белоградчика. Цепь скал тянется на 35 километров от села Фалково к западу до Маказы. Вереница причудливых каменных изваяний, зубчатых утесов ржавого цвета, меняющих свой вид в зависимости от часа дня, точнее, от освещения, тянется по ущелью и чуть ли не упирается в главную улицу; каменные чудища со всех сторон обступают путника, их тени подстерегают его, а из зарослей кустарников, из ветвей деревьев на скалах за ним пристально следят глаза кого-то невидимого. И вот, он уже пленник каменных великанов, зачарованный их дивным сказанием. А сказание это, по словам чешского ученого Иречека, особое, его не передать словами — его надо видеть.

Геологическая игра природы! Обнажилось дно теплого моря, окаменели песчаные породы, отливающие под солнцем медью. Жара и холод, дожди и ветры изваивали их, пока не приобрели они свое нынешнее обличье. Настоящая алхимия природы! Затейливая игра и неподдельное искусство воплощены в этом Каменном сказании.

И чередуются скалы, перемежаемые ло-щинами и оврагами. То вздымаются кре-

постной стеной, то оборачиваются зверем или человеком. Фантастическая каменная дру́за, невиданное городище, населенное колоссами, с которыми общаются только птицы. В волнах света скалы оживают, с часа на час преобразуются, становясь то могучими исполинами, то бесплотными видениями. На рассвете ли, на закате, в ясный день или лунную ночь они покорно меняют свой облик, словно подчиняясь мановению искусного мастера-осветителя, повинувшись Природе. Народное воображение издавна наделило многие изваяния именами, которые и поныне живут в Белоградчикском сказании: Адам и Ева, Сфинкс, Моисей, Мадонна, Монахи, Змеи, Гайдук, Пастух, Гимназистка и даже Утес-мыслитель.

С широкого каменного уступа можно обозревать всю скульптурную галерею Белоградчикских скал. Внушительная панорама настраивает воображение на фантастический лад — то тут, то там пробуждаются каменные идолы-видения, оживают нерукотворные создания природы. Днем хорошо видны скалы, лощины, поросшие кустарником и деревцами, откуда подаются голоса пернатые певцы под стать деревенским дударям и волынщикам. В лунном свете картина меняется, скалы словно умяются, съежившись в предполуночной дреме, делаются бесплотными силуэтами. И это опять-таки благодаря природе, ее умению искусно подсвечивать и окрашивать.

В огромной галерее Белоградчикских скал есть дру́за, названная Калето, что значит крепость. Искусный гений болгарского зодчего использовал эту естественную твердыню, воздвигнув между скалами стены, бойницы, дозорные площадки, ворота ничуть не нарушив при этом естественной красоты горного пейзажа. С верхнего уступа, куда ведут три широкие ступени, можно лицезреть величественную панораму, расстилающуюся до вершины Врышка-чука и реки Дунай, до вершин Ком и Миджур с отлогими Старопланинскими хребтами. У крепости этой славное прошлое — в 1850 году там вспыхнуло Видинское восстание. Народ, вооруженный дубинками и вилами, впервые поднялся на османского угнетателя.

Основательно потрудились природа, этот искусный художник пленэра. Здесь в причудливых скалистых изваяниях свет и впрямь делается „тончайшим покровом живописи“. Кисть его изумительна. Это она учит художника чувствовать колорит и тональность. Ее многоцветная палитра неиссякаема. И раз произведения искусства вызывают восхищение, то и все прекрасное и величественное в природе достойно неменьшего восторга. Доказательством тому являются балладические Белоградчикские скалы.

СТЕФАН СТАНЧЕВ

Большому другу советской и болгарской детворы, писателю Сергею Михалкову исполнилось семьдесят лет.

Он родился 13 марта 1913 года в Москве. Под влиянием отца с детства увлекался литературой. Особенно полюбили ему сказки Пушкина, стихи Лермонтова и Некрасова, басни Крылова. Первые его стихи появились в печати, когда ему было семнадцать—восемнадцать лет. Со временем Михалков стал одним из любимых детских поэтов в Советском Союзе. Огромную популярность принесли ему стихи для детей „Дядя Степа“, „А что у вас?“.

Для маленьких читателей Михалков создал ряд пьес: „Особое задание“, „Красный галстук“, „Я хочу домой!“, „Сомбреро“. Ему принадлежат также юмористические стихи и басни. Многие из его произведений переведены на иностранные языки.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

СЛОН-ЖИВОПИСЕЦ

Слон-живописец написал пейзаж,
Но раньше, чем послать его на вернисаж,
Он пригласил друзей взглянуть на полотно:

Что, если вдруг не удалось оно?

Вниманием гостей художник наш польщен!

Какую критику сейчас услышит он?

Не будет ли жесток звериный суд?

Низвергнут? Или вознесут?

Ценители пришли. Картину Слон открыл.
Кто дальше встал, кто подошел поближе.

„Ну, что же, — начал Крокодил, —
Пейзаж хорош! Но Нила я не вижу!..“
„Что Нила нет, в том нет большой беды! —
Сказал Тюлень. — Но где снега! Где льды?“

„Позвольте! — удивился Крот. —

Есть кое-что важнее, чем лед!

Забыл художник огород“.

„Хрю-хрю, — заметила Свинья, —

Картина удалась, друзья!

Но с точки зренья нас, Свиной,

Должны быть желуди на ней“.

Все пожеланья принял Слон.

Опять за краски взялся он

И всем друзьям по мере сил

Слоновой кистью угодил,

Изобразив снега, и лед,

И Нил, и дуб, и огород,

И даже мед!

(На случай, если вдруг Медведь

Придет картину посмотреть. . .)

Картина у Слона готова,

Друзей созвал художник снова.

Взглянули гости на пейзаж

И прошептали: „Ералаш!“

* *

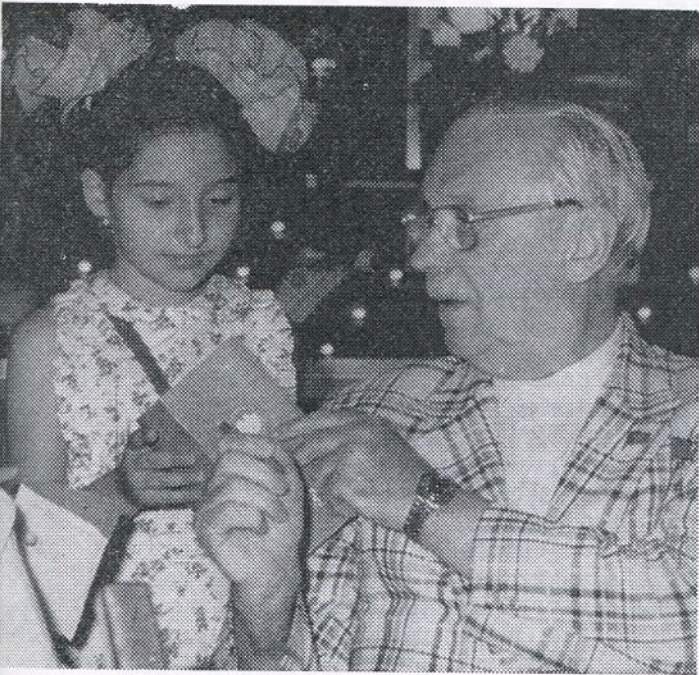
Мой друг! не будь таким слоном:

Советам следуй, но с умом!

На всех друзей не угодишь,

Себе же только навредишь.

Советский писатель Сергей Михалков на Второй международной ассамблее „Знамя мира“ в 1982 году

"КРАСКИ ПРИВЕЧАЮТ ДРУГ ДРУГА..."

КАТЕРИНА ИЛИНЧЕВА

В 1978 году пионерская Художественная школа во Враце получила высокое признание. Она стала Домом детского рисунка.

Как и в каждом с любовью создаваемом доме, в нем уютно, светло и просторно. Тут „живут“ не только рисунки, но и миниатюрные фигурки из глины, пестроцветная мозаика, причудливые маски. А делают их хозяева Дома. Их не много и не мало — сто двадцать ребят! Одни с увлечением занимаются в кабинете графики и живописи, другие — в кабинете валяния и прикладного искусства. Всех их сюда привело влечение к искусству, желание испытать свои силы в художественном творчестве. Руководитель Дома Евгений Тодоров помогает своим питомцам воссоздавать в образах и красках детский мир. Самые маленькие открывают для себя гармонию красок или, как образно говорит их руководитель, „узнают, что краски привечают друг друга...“

Старшие пытаются уловить черты самых разных человеческих характеров, вникнуть в отношения людей, понять суть событий и явлений в окружающем их мире. Каждый в этом Доме занимается тем, что ему по сердцу: рисует акварелью или тушью, лепит фигурки из глины, мастерит декоративные безделушки.

Каждый месяц в Доме детского рисунка гостят участники кружков изобразительного и прикладного искусства со всего округа. Дети встречаются, ведут оживленные разговоры, порой вспыхивают даже споры. Такие встречи интересны и полезны. Здесь проверяются знания ребят, их эстетический вкус. Они учатся подмечать прекрасное в жизни.

На занятиях царит тишина. Дети с увлечением рисуют, лепят, делают мозаичные панно. Я уверен, что именно в стенах этого Дома они могут по-настоящему приобщиться к прекрасному. А об их искренней любви к искусству свидетельствуют многочисленные награды и почетные дипломы, грамоты, которых удостоиваются участники детских выставок. Дом детского рисунка во Враце стал лауреатом Пятого республиканского фестиваля художественной самодеятельности, проводившегося в Благоевграде. А на окружном смотре в 1982 году был удостоен

БАРАНЫ

По крутой тропинке горной
Шел домой барашек черный
И на мостике горбатым
Повстречался с белым братом.

И сказал барашек белый:
— Братец, вот какое дело:
Здесь вдвоем нельзя пройти —
Ты стоишь мне на пути.

Черный брат ответил: — Ме,
Ты в своем, баран, уме?
Пусть мои отсохнут ноги,
Не сойду с твоей дороги!

Помотал один рогами,
Уперся другой ногами...
Как рогами ни крути,
А вдвоем нельзя пройти.

Сверху солнышко печет,
А внизу река течет.
В этой речке утром рано
Утонули два барана.

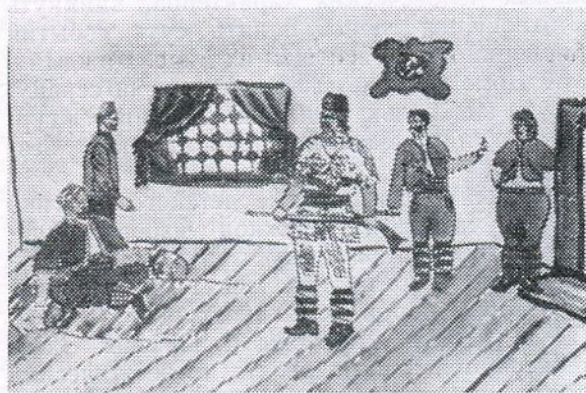
золотой медали. Многие из его питомцев продолжают обучение в художественных школах Софии, в Академии искусств.

Мне особенно запомнились работы Веселина и Орлина, „Кто кого“ Цветинки, которая посещает школу еще с дошкольного возраста, мозаика „Петух“ Николая, „Корабль“ Ивайло, „Ряженные“ и „Сияющие солнца“ Теодоры. Отличные иллюстрации к любимым болгарской детворой книжкам советских авторов маленького Саши, акварели Любомира, пластика Николая, Климентина, Вани и шестилетнего Христо. Каждый из них раскрывает свои склонности и предпочтения, показывает свое умение.

Дом детского рисунка во Враце останется у меня в памяти со всей красочностью, теплотой и обаянием рисунков юных художников, с дружескими сердечными улыбками на лицах его маленьких хозяев.

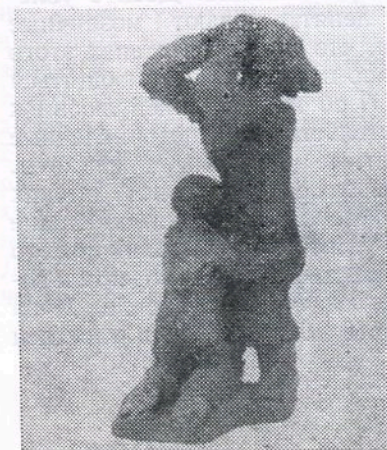

ТАТЬЯНА ДРАГОМИНСКА, 10 лет

АНТОНИО ГЕОРГИЕВ, 11 лет

ИВАН ЦВЕТАНОВ, 13 лет

Писатель Борис Крумов родился 15 марта 1923 года в селе Остров, Врачанского округа. До 9 сентября 1944 года он вступил в ряды РМСа, активно участвовал в антифашистской борьбе, был арестован и брошен в тюрьму.

После победы над фашизмом работал в рядах РМСа, болгарского комсомола, был политофицером, редактором. Среди его детских книг особенно популярны „Море для смелых“ — рассказы, „Наско-разведчик“ — повесть, „Бесстрашные мальчуганы“ — рассказы, „Приключения Илко-пограничника“ — повесть, „Владко-коммунист“ — рассказы, „По медвежьим следам“ — рассказы.

В первые же дни после победы народа 9 сентября 1944 года в околийский комитет РМСа пришел парнишка лет шестнадцати-семнадцати. Запыхавшийся от спешки, он заговорил прерывистым голосом:

— Товарищи, да разве так можно? Да ведь я... провизию доставлял, к партизанам на явки ходил. Значит, тогда я мог, а теперь вдруг маленьким стал? Придрался ко мне офицер, не берет на фронт. По какому такому праву, спрашивается? Отец мой связным был, расстреляли его фашисты. Ну, не могу, не могу я оставаться тут. Убегу на фронт!

Мы предложили ему сесть, но он наотрез отказался. Поминутно озираясь на входную дверь, он, видно, опасался чего-то и торопился высказать все, что у него накопилось на душе.

Я пообещал ему поговорить с командиром гвардейского отряда, и он ушел.

Минут через десять в комнату вбежала женщина лет сорока. Не здороваясь, она быстро оглядела комнату, явно ища кого-то.

— Куда он исчез?

Потом она повернулась ко мне и громко сказала:

— Ты чего глядишь? Я мать Илчо. Не отпускайте его, товарищи, мал он еще воевать. Да и без хозяина-кормильца мы. Илчо теперь у нас в доме единственный мужчина, ему положено остаться.

Ничего не скажешь, доводы у матери были убедительные. Мы постарались успокоить ее, пообещав вернуть Илчо обратно в село.

Партизанский и гвардейский отряды отбыли на фронт, а Илчо, как нам сказали, вернулся домой. Но через неделю мать его снова была в комитете.

В руках она держала узелок. Лицо ее на этот раз было спокойнее, но глаза из-под черного платка так и метал гневные молнии.

— Удрал-таки мой Илчо на фронт. А виноваты вы! Обязаны были его удержать. Ох, камень у меня на сердце тяжелый...

Она присела к столу, примостив узелок на коленях. Потом, пристально взглядываясь в наши лица, спросила:

— Вам он не писал? Мне-то не удосужился

БОЛГАРСКАЯ МАТЬ

сыночек весточки прислать. Вы, наверное, знаете, где он, напишите ему, пусть бережется, ведь война — не мать родная. Никого не жалеет. Не нужны мне ни его ордена, ни медали. Хочу, чтоб он живой да невредимый вернулся. Вот пошлите ему, собрала я кое-какую одежонку, сушеных груш положила, лепешек, пусть поедят с товарищами.

Мы сидели молча и слушали тетку Йову. Она хоть и упрекала нас, но укоры ее были по-матерински ласковыми. Стоило же ей упомянуть про фашистов, как глаза ее суживались, сухие губы поджимались, рано увядшее лицо каменело.

Успокоив женщину, мы пообещали непременно отослать посылку.

Не прошло и месяца, как в один морозный декабрьский день тетка Йова снова появилась в комитете. Когда вошла в комнату, с губ ее сорвался стон. Не плач, не рыдание, а именно стон. Глаза женщины лихорадочно светились. Она заговорила, как в бреду:

— Убили моего Илчо. Надежду мою, кровиночку родимую. Вы виноваты, вы подбивали мальчишек на фронт идти. Дочка-то моя со вчерашнего дня сама не своя. Говорит, одна у нее дорога — на фронт. Мстить за отца и брата. . . Хоть ее-то удержите, не оставляйте меня круглой сиротой.

Тетка Йова вздохнула:

— Слышала, вы подарки для фронтови-

ков собираете. Вот принесла я несколько монет. Матушка на свадьбу мне подарила, настоящие золотые. Винтовки ли закупать будете, обмундирование — ваше дело.

Она сняла с шеи шнурок с нанизанными золотыми и осторожно, будто хрупкие цветы, положила на письменный стол. Я колебался брать или не брать, но чувствовал, что если откажу, то глубоко обижу эту женщину.

Обещал не отпускать ее дочку на фронт. Уже в дверях тетка Йова повернулась, в глазах ее блеснули слезы. Она потерла шершавой ладонью щеку и попросила:

— Если кто из ваших будет на фронте, пусть положит на его могилу камень или другую какую метину, я искать его буду. . .

К вечеру явилась белокурая девушка с вещевым мешком. Она всхлинула, но не заплакала.

Узнав, что это и есть сестра Илчо, я спросил, верно ли, что она собирается на фронт. Девушка отрицательно покачала головой, но по тому как она избегала даже взглянуть на меня, я понял, что она непременно исполнит задуманное. Долго увещевал я ее остаться с матерью, мол, на фронт пойдут другие, но знал, что хоть она и слушает меня с вниманием, никакие уговоры на нее не действуют.

В конце декабря я проезжал через село Илчо. Время было к вечеру, снежок подтаивал. У ворот Илчова дома стояли две девушки. Тетка Йова обнимала и целовала их, словно перед разлукой, приговаривая:

— Дай бог вам здоровья, голубки вы мои. . . Только вы одни у меня и остались. Подмога моя и отрада. Не забывайте меня. Эх, своих-то не сумела удержать. . . Теперь вот и торчу на опустелом дворе, как пожухлое дерево. . .

При виде меня она укоризненно покачала головой:

— А-а-а, это ты. Добро пожаловать к нам! Обещался мою Элку удержать, да не смог. Уехала она. Оставила письмецо. Ох, детки вы мои, радоваться мне на вас или плакать?

Она упрекала и нас, ремсисов, и своих вылетевших из гнезда детей. В голосе ее звучала гордость, а в глазах застыло страдание, какое можно увидеть только в глазах матери.

Я поцеловал ее натруженную худенькую руку, а мне так хотелось по-сыновьи прильнуть к груди этой болгарской матери, глотая слезы радости и благодарности за ее мужество, доброту и сердечность.

БОРИС КРУМОВ

Иллюстрация РАЛИЦЫ НИКОЛОВОЙ

Юные "МАГИ"

В октябре прошлого года отель „Европа“ гостеприимно распахнул двери своих залов, где состоялась встреча самых таинственных обитателей нашего континента — магов-иллюзионистов.

С особенным нетерпением зрители ждали выступления юных фокусников, которым не больше пятнадцати лет. Озаренные разноцветными лучами прожекторов, под звуки торжественной музыки на сцену вышли девочка и два мальчика в переливающихся блестками костюмах. Они поклонились и музыка оборвалась. Девочка привязала красный галстук к длинному шелковому шнуру, который мальчики натягивали с двух концов, затем девочка старательно завязала галстук еще несколькими узлами. Ее партнеры натянули шнур и... узлы на галстуке тут же развязались сами собой. Затем один из мальчиков показал публике веер, который при каждом взмахе менял свой цвет. Последовал номер с пустым цилиндром, из которого вдруг поползли длинные ленты. Так и казалось, что у этих ребят все получается как по мановению волшебной палочки.

В антракте я встретился с ними. Двенадцатилетнюю белокурую девочку звали Бонка Русинова. Румену Траянову, мальчугану, что повыше ростом, оказалось всего девять лет, а его робкому с виду напар-

нику Ангелу Шопову — десять. Все трое из города Кюстендила. Они стояли возле своего учителя, иллюзиониста Петра Русинова, руководителя детского кружка иллюзионистов при Доме пионеров в Кюстендилье.

— Бонка — моя дочка, — начал рассказывать Петр Русинов. — С ней и ее обоими партнерами я занимаюсь несколько лет. Наш кружок небольшой, в нем всего восемь ребят. Все они ловкие, упорные, старательные.

— Наверное, ваши питомцы впервые участвуют в фестивале?

Дети улыбнулись, а их наставник с гордостью сказал:

— Они у меня лауреаты Пятого республиканского фестиваля художественной самодеятельности. Получили такие отличия, как „Серебряная подкова“ на смотре в Ботевграде, „Суперкот“ на тринадцатом фестивале юмора и сатиры в Габрово. Побывали на турне в Италии, Польше, Венгрии, Румынии...

Я поинтересовался, как у них обстоят дела с учебой.

— Мы все трое отличники, — поспешила ответить за всех Бонка.

— А не раскрыли бы вы секрет хоть одного вашего фокуса?

— С большим удовольствием. Приезжайте к нам в Кюстендил...

ВСЕГО ЗА ОДИН МЕСЯЦ...

На следующий день — новый сюрприз. Выступление одиннадцатилетней Даниэлы и пятнадцатилетнего Николая из Бургаса. Даниэла показала несколько ловких фокусов с картами, а ее брат каким-то чудом нанизал целую цепочку металлических колец на обруч. Восхищению публики не было предела, когда граммофонные пластинки, уложенные на наших глазах в пустой ящик, оказались все до одной обернутыми пестрыми головными платками.

А руководит этими ребятами их отец, который начал с ними заниматься полтора года назад. Всего за один месяц он подготовил их так, что они стали выступать перед публикой. Участвовали в Республиканском фестивале иллюзионистов в Габрово, в Республиканском смотре художественной самодельности, показывали свое умение на Второй международной ассамблее.

ЛЮБИМИЦА ФЕСТИВАЛЯ

На сцене появился клоун с большим деревянным ящиком. Оттуда вышла десятилетняя Арус Арабаджиян, или попросту Ари. Клоун подергивал шнурки, привязанные к ногам и рукам девочки, и ее движения напоминали куклу-марионетку. Под музыку популярной детской песенки „Зайчик белый“ Ари проделывала свои смешные фокусы. Из маленьких шариков в мгновение ока вырос большой шар. Из букета искусственных цветов потянулись целые гирлянды. По окончании номера девочка удалилась за кулисы, вышагивая как кукла-марионетка.

Ари — дочь известного болгарского иллюзиониста Астора. Отец начал ее обучать, когда ей было всего три года. В четырехлетнем возрасте она уже выступала перед зрителями, в пятилетнем участвовала в детской телевизионной передаче, а в 1980 году побывала на фестивале в Карлови-Вари. На XV всемирном фестивале иллюзионистов в Лозанне в июле прошлого года Ари покорила публику. Ее фокус заставил заговорить о ней даже маститых магов...

ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ!

Юные иллюзионисты Бонка, Румен, Ангел привезли в родной Кюстендил первую премию фестиваля. Вторую получила Ари, третью — Даниэла и Николай.

Знаменитый болгарский маг, мистер Сенко, который был председателем жюри, поделился со мной:

— Больше сорока лет посвятил я нашему трудному искусству. Нелегко приходилось нам, в прошлом. Нынче же все по-другому, вы сами видите... Хочу пожелать моим маленьким коллегам больших успехов.

СТЕФАН МАТЕВ

ВИНСЕНТ ВАН ГОГ

ХРИСТО КОВАЧЕВСКИЙ

В наши дни, когда огромное вдохновенное творчество голландского художника Винсента Ван Гога широко известно во всем мире, трудно себе представить, что с того момента, когда он решил посвятить себя живописи, до конца его жизни оставалось всего каких-нибудь десять лет. За этот короткий период он овладел профессиональным мастерством и создал свой собственный художественный стиль. В него входят и те плодотворные семьдесят дней его жизни, проведенные у чуткого и доброго доктора Гаше, в течение которых Винсент Ван Гог создал 78 произведений среди них несколько подлинных шедевров.

Родился художник 30 марта 1853 года в небольшом городке Гроот-Зундерт, на юге Голландии. С шестнадцати лет он уже зарабатывал себе на жизнь. В 1869 году становится сотрудником художественной торговой фирмы Гупиль в Гааге (1872—1873 гг.), а затем в ее лондонском филиале (1873—1875 гг.) В 1876 году его увольняют с работы. Короткое время он преподает в пансионе Рамсгейте в Англии, затем занимает должность проповедника в Айлварте. В эти годы он полон решимости отдать все свои силы людям, считая, что должен идти на самопожертвование ради спасения угнетенных. В 1878 году слушает в Брюсселе специальный курс для миссионеров. Через несколько месяцев становится миссионером в Боринаже, населенном шахтерами и рабочими-бедняками. Впечатлительный, чуткий к горю и страданиям людей, он лечит больных, раздает бедствующим свою мизерную зарплату, одежду, вещи. Его деятельность вызывает недовольство местных церковных властей. Винсента Ван Гога снова увольняют.

Не найдя в родном доме теплого приема, он возвращается в Боринаж. Все эти годы в переписке с братом Тео он постоянно рассуждает об искусстве, нередко делает наброски на страницах писем, чтобы поделиться с ним тем, что произвело на него впечатление. Но желания стать художником до поры до времени не высказывает. И вот настает день, когда Винсент просит брата выслать ему репродукции с картин некоторых художников, чтобы копировать их, и сообщает

о своем решении стать художником. На письме проставлена дата — 20.VIII.1880 год.

Ван Гог с головой уходит в работу. Тео берет на себя заботу о брате, ежемесячно высылает ему по 150 франков. Винсент рисует шахтеров, старых женщин, крестьянок из Боринажа, делает копии с картин любимых мастеров кисти. Начинает изучать анатомию и перспективу. В 1885 году создает свое первое значительное произведение „Едоки картофеля“. В этой картине вместе с любовью и чутким пониманием простых людей Винсент показал и все то, чему научился у старых голландских мастеров, а также у Милле. Картина выдержана в традиционной сумрачной гамме. Лишь после пребывания в Антверпене (1885—1886 гг.), где Ван Гог некоторое время посещает Академию художеств, в его картинах появляются светлые пятна. Это происходит под влиянием Рубенса, японских гравюр и писем брата Тео, в которых тот постоянно рассказывает об импрессионистах.

В конце февраля 1886 года Ван Гог приезжает в Париж к брату. К тому времени импрессионизм вылился в оформленное художественное направление с собственной эстетической программой. Однако первый контакт с этими художниками приносит ему некоторое разочарование. Более сильное впечатление производят на него Делакруа и Монтичелли. Винсент поступает в мастерскую Кормона, где сближается с Тулуз-Лотреком и Эмилем Бернаром. Через брата знакомится с Писсаро, затем с Полем Гогеном, а в лавке папаша Танги с творчеством Сезанна. В этот период он увлекается и даже делает копии с японских гравюр.

Исподволь палитра Ван Гога изменяется до неузнаваемости. Становится более светлой, мазки делаются смелыми и свободными, обогащается фактура. В пейзажах и натюрмортах этого периода он приближается к импрессионистам.

В феврале 1888 года, вслушавшись в совет Тулуз-Лотрека, Ван Гог перебирается в Арль. Он открывает в южной природе красочную гамму Делакруа, заостренные очертания японских гравюр, экспрессивную насыщенность пейзажей Сезанна. Наступает период зрелого творчества. Плененный кра-

сотой этого края, он рисует буквально все, что его окружает: многочисленные пейзажи („Подъемный мост в Арле“ в нескольких вариантах, „Весна в Арле“, множество натюрмортов, среди них знаменитые „Подсолнухи“ в семи вариантах), портреты заинтересовавших его людей („Почтальон Рулен“, „Портрет Армана Рулена“), рисует дом, в котором живет, местное кафе.

Напряженная работа в это время осложняется приступами душевной болезни, которая привела художника к трагическому конфликту с Гогеном, по его просьбе приехавшему в Арль. Их принципиально различные взгляды на искусство и методы работы приводили к постоянным разногласиям и спорам. В припадке безумия Ван Гог отрезает себе ухо. Из больницы он выходит в январе 1889 года, но состояние его не улучшается. В следующем месяце он снова попадает в больницу. Между приступами болезни продолжает напряженно работать, старается свыкнуться с мыслью, что „психическая болезнь, как любая другая“. Затем он добровольно отправляется в лечебницу в Сен-Реми, где пребывает до мая месяца и создает ряд значительных произведений в так называемом „полыхающем“ стиле. Все в них как бы объято пламенем, плавится в лучах яростного солнца. Оно так неистово заливают его полотна, что когда художник „зажигает в небе несколько солнц“, это вовсе не нарушает реалистического характера картины, так как у зрителя возникает чувство, что одно солнце не в силах дать такое обилие света.

В мае 1890 года Ван Гог поселяется в Овере-на-Уазе, где быстро сближается с доктором Гаше. В последние месяцы жизни художник работает как одержимый. Однако постоянный страх, что его состояние ухудшится и он станет тяжкой обузой для брата, приводит его к мысли о самоубийстве. Винсент стреляет в себя и смертельно раненый умирает 27 июля 1890 года.

Брат его, сломленный тяжелой утратой, умирает через несколько месяцев. Он похоронен рядом с Винсентом. Жена Тео посадила на их могилах подсолнухи, любимые цветы художника, зажегшего на своих полотнах солнце и сгоревшего в этом пламени.

ВАН ГОГ — Вечерняя прогулка

ВАН ГОГ — Портрет старого крестьянина

ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛИЕ ИВАНА АЛЕКСАНДРА

БИСЕРА ЙОСИФОВА

Едва ли можно назвать другого болгарского средневекового царя, изображения которого встречались бы так часто, как лик Ивана Александра. Свидетельство этому — множество уникальных по своей художественной ценности образцов. Осанистую фигуру царя Ивана Александра можно видеть в росписи Бачковского склепа и Ивановской церкви, на пожелтелых страницах хроники Манассии и Лондонского евангелия, известного еще и как Четвероевангелие Ивана Александра, на многочисленных серебряных и медных монетах, чеканившихся во времена его царствования.

Миниатюры из Четвероевангелия: Христос на Генисаретском озере

Рождество Христово

Что же заставляло живописцев, книжников, мастеров-умельцев так пристально вглядываться в образ своего властелина? Может быть, причину следует искать в необходимости для болгарского государства всячески утверждать свою силу и самостоятельность в короткий период расцвета, наступившего, словно по чуду, в годы первых нашествий османов на Балканский полуостров?

Царь Иван Александр был не только мудрым политиком, государственным главой, полководцем. Он всячески поощрял развитие искусства и литературы, так как был личностью с богатой духовной культурой, политиком, хорошо понимающим непреходящую силу искусства и силу его воздействия на человека, его значение для грядущих поколений. Произведения искусства с ликом этого царя можно назвать посланиями к потомкам. Они как бы воскрешают дух того далекого времени, мысли и чаяния людей, живших шесть столетий назад. Среди них можно назвать миниатюры из Четвероевангелия, которые особенно близки современнику своей проникновенностью и силой художественного воздействия.

В одном из залов Британского музея в Лондоне хранится значительная часть бесценного книжного богатства человечества. Вдоль стен как бы облицованных кожаными переплетами, вобравших вековую мудрость старопечатных книг, расставлены витрины с ценнейшими экспонатами коллекции. Тут можно увидеть и Четвероевангелие Ивана Александра, раскрытое на той странице, где находится миниатюра, изображающая царскую семью — болгарского царя, царицу Теодору и их сыновей — престолонаследника Ивана Шишмана, которому было суждено стать последним болгарским средневековым царем, и его младшего брата Ивана Асеня.

В приписке, сделанной в сороковых годах XIV века, когда в Болгарии пышным цветом расцвели искусство и литература, читаем: „... он овладел обширными землями других царей и был отмечен всяческими добродетелями“. Среди целого перечня добродетелей царя, таких как „благородство“,

„возвышенность“, „боголюбие“, очевидно, особенно ярко его характеризует слово „книголюб“.

По царскому указу в период 1355—1356 годов монах Симон переписал на пергамент красивым каллиграфическим почерком текст четырех евангелий. Рукопись украшена 366 цветными миниатюрами, иллюстрирующими текст. Однако две из них имеют особую историческую ценность. Это изображения царской семьи, совсем не связанные с содержанием евангельского текста, повествующего легенду об Иисусе Христе.

Какова же была судьба этого исключительного памятника средневекового художественного мастерства, как он попал в коллекцию Британского музея?

После того, как престольный город Тырново пал под ударами османских войск в 1393 году, Четвероевангелие попадает в Молдову, вероятно, перенесенное туда каким-то неизвестным болгарским беженцем. Неясно, какими путями оно оказывается на Афоне в монастыре св. Павла, игумен которого подарил это евангелие в 1837 году известному английскому путешественнику и коллекционеру Роберту Керзону. Благодаря этому факту евангелие сохранилось для поколений и науки, так как стихийный пожар уничтожил монастырь со всеми его сокровищами, хранящимися в нем. После смерти Керзона Четвероевангелие попало в Британский музей. Произошло это в 1876 году. В год, когда болгарский народ поднял Апрельское восстание, сделав попытку сбросить с себя османское иго. За пять столетий рабства, тяготевшего над болгарским народом, позабылись и миниатюры из Четвероевангелия.

Из приписки, сделанной рукой монаха Симона, узнаем, что евангелие было украшено не только миниатюрами. Его золотой переплет был инкрустирован самоцветами и жемчугом: „... переплет из позолоченных пластин, а внутри все украшено искусно животворящими образами господ нашего и его славных учеников, изображенных ясными красками и золотом...“

Полное единство текста и иллюстраций в Четвероевангелии свидетельствует о восходе духовной культуры в Болгарии XIV столетия, о ее национальной самобытности. Поистине это образец искусства, создаваемого анонимными авторами, несомненно являвшимися представителями официальной художественной Тырновской школы в искусстве миниатюры. Создание этого уникального памятника можно считать одним из проявлений Ренессанса, охватившего духовную культуру Болгарии в середине XIV века, которое оборвалось с вторжением османских полчищ.

ЖИЗНЬ В БОРЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ

ДИМИТРИНА КОЛЕВА

Вот и сейчас, когда Борис Ангелушев смотрит с фотографии, слегка прищурив улыбающиеся глаза, так и кажется, что обязательно повстречаешь его, будь то на площади Славейкова, в самом центре города, будь то в какой-нибудь из столичных редакций. Этот поистине солнечный, жизнерадостный человек, остроумный, находчивый, взыскательный и скромный, создавал вокруг себя атмосферу непринужденного творческого общения, присущую только высокоодаренной личности. Ему были глубоко чужды себялюбие, позерство, выпендривание.

Вот уже шестнадцать лет как не слышно его обаятельного, мягкого голоса. Однако часто с радостью чувствуешь его живое присутствие в графических рисунках, иллюстрациях, шрифтах, плакатах, в оформлении книг и марок, в политической карикатуре. Художник оставил яркий след в болгарском изобразительном искусстве.

Борис Ангелушев развивал художественное чутье и вкус к графическому искусству иллюстрации не только у профессионалов. Тысячи больших и маленьких читателей, взяв в руки книгу болгарского или иностранного автора, оживляли в своем воображении ее персонажей через графический образ, созданный этим изумительным автором. Упомянем только повстанцев Сентября 1923 года Гео Милева, Чернушку Эмилиана Станева, бай Ганю Алеко Константинова, героев сказок братьев Гримм и Андерсена...

— Борис всю жизнь мечтал проиллюстрировать „Записки о болгарских восстаниях“ Захария Стоянова, — рассказывает верный друг Бориса Ангелушева, его жена Герда Глоке. — Еще в Германии, когда работал под псевдонимом Бруно Фук, он много рассказывал мне о Болгарии, о ее народных героях Левском, Боте, Захарии Стоянове... Но свою мечту оформить и проиллюстрировать эту книгу ему так и не удалось осуществить. Ведь при его жизни не было устроено ни одной выставки его работ...

* * *

Одной из первых дач в селе Драгалевцы у подножия горы Витоши под самой Софией, была дача Бориса Ангелушева. Там он устроил и мастерскую. Ныне ели вытянулись исполинами, а внизу расстилается обновленная, высокоэтажная София. В последние годы все чаще поскрипывает калитка, и Герда с радостью встречает гостей. Двери дома широко открыты для тех, кто

приходит сюда, чтобы почтить память художника и друга, восьмидесятилетие со дня рождения которого отмечалось в прошлом году.

На рабочем столе, за которым художник проводил долгие часы, нередко встречая там и рассвет, когда торопился закончить спешную работу, разложены иллюстрации, рисунки, заглавия, обложки книг. На стенах — плакаты. Некоторые из них на немецком языке. Они еще с той поры, когда Бруно Фук поднимал свой голос против наступающего фашизма. Герда устроила нечто вроде небольшой домашней выставки для „гостей Бориса“, как говорит она сама. На полках ряды аккуратно составленных книг — энциклопедии, справочники, многотомные истории искусства — художник любил, чтобы у него все нужное было под рукой.

— Борис хорошо знал Джона Хартфильда¹. Его супруга недавно подарила мне чудесный портрет, который Джон перед смертью попросил передать Борису. Это портрет Эрнста Тельмана, сделанный Борисом во время его пребывания в Германии. . . — с волнением говорит Герда Глоке. — А вы, наверное, видели его в фильме?

Супруга художника имела в виду документальный фильм о борьбе немецкого рабочего класса. В одном из его кадров рядом с Тельманом — светловолосый, высоколобый молодой человек с улыбающимися глазами. Это Борис Ангелушев. Будучи студентом в Берлине он сотрудничал в прогрессивной немецкой печати („Дер Кемфер“, „Роте фане“, „Дер Кнютпель“ и др.), воевал своими рисунками и иллюстрациями. Иллюстрировал и самое большое в то время прогрессивное издание „Арбайтер иллюстрирте цейтунг“, выходившее на нескольких языках и имевшее огромный тираж — пятьсот тысяч экземпляров. Смело, беспощадно и талантливо Ангелушев разоблачал наступающий фашизм. В 1933 году, когда Гитлер пришел к власти, художник вернулся на родину, чтобы тут, в Болгарии, продолжить начатую борьбу.

— Трудные, тяжелые годы пришлось пережить Борису, но он никогда не сходил со своего пути. Рядом с ним были всегда его друзья писатели и художники: Христо Радевский, Александр Жендов и многие другие. В те давние годы он оформил обложку к „Песням мотора“ болгарского пролетарского поэта Николы Вапцарова, расстрелянного фашистами, создал замечательные образы из народа — „Угольщик“, „Караул“, и множество других. . .

Борис Ангелушев (справа) в редакции газеты „Литературен фронт“

Большой рыжий кот ластится к нашим ногам. Он испытующе глядит, будто хочет вступить в разговор. Я смотрю на него, и мне в голову приходит вопрос:

— Любил ли Борис Ангелушев природу?

— И еще как! Эти деревья в саду он посадил собственноручно. Каждый день сам поливал цветы, радовался любому новому стебельку, цветку. А знаете, чем он особенно увлекался? Астрономией. Следил за всеми новинками, выходившими на русском и немецком языках. Очень серьезно занимался этой наукой и был широко осведомлен. Может, эта тяга к астрономии обусловлена его математическими способностями. Когда он заканчивал пловдивскую гимназию, ему вручили специальную грамоту за успехи в математике. Его способность сосредотачиваться, проникать в глубь вещей и событий не могли не сказаться и на его творчестве. Например, он мог рисовать мелом или черной акварелью, но ему непременно нужно было знать, какого цвета глаза у Ангела Кычева, которого ему предстояло нарисовать. Он расспрашивал историков, писателей, друзей. Большинство удивлялось. „А как же я буду делать его портрет, если не знаю. От глаз зависит и выражение лица, и мое собственное отношение к нему“. . . Добившись ответа, он садился за стол.

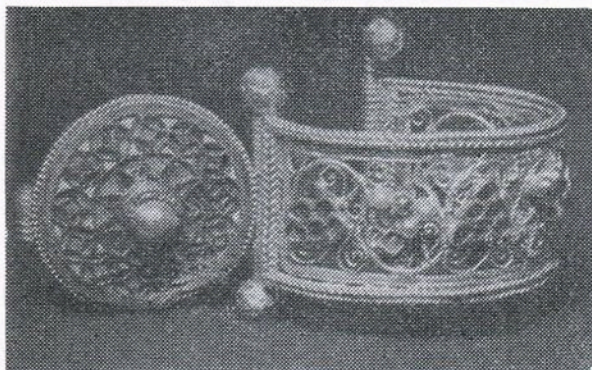
* * *

Стало смеркаться. В окнах мастерской засветились бесчисленные мерцающие огни раскинувшегося внизу города. Пора было прощаться. Завтра Герда Ангелушева будет встречать новых почитателей чудесного художника и обаятельнейшего человека Бориса Ангелушева.

¹ Известный английский художник и фотограф, автор знаменитого фотомонтажа „Димитров против Геринга“, созданного им во время Лейпцигского процесса.

ВАРНЕНСКИЙ ЗОЛОТОЙ КЛАД открыт в 1961 году. Состоит из двух браслетов, диадемы, креста, двух бляшек от пояса и трех частично сохранившихся ожерелий. Сделаны эти предметы из чистого золота (22 карата), их общий вес 417 граммов. Особенно хороши браслеты, украшенные жемчугом. Не менее изящны и остальные предметы, отделанные эмалью, жемчугом, опалами, травянисто-зеленым малахитом, гранатами и цветным стеклом. Вероятно, эти украшения были изготовлены в мастерских Одесса (Варны) в первой половине VI века. Хранится золотой клад в Археологическом музее города Варны.

ВЕНЗЕЛЬ — от польского слова „везел“ — узел. Начальные буквы имени и фамилии или имени и отчества, обычно переплетенные и образующие узор.

ВИТРАЖ — от французского слова „витраж“ — оконное стекло. Цветные стекла в окнах, дверях, ширмах. Картина или орнаментальная композиция, выполненная из разноцветного стекла. Благодаря лучам света, проходящим через витраж, его художественное воздействие особенно впечатляюще. В Болгарии витражи сохранились со времени национального Возрождения в Роженском монастыре и в некоторых домах города Мелника. Значительные произведения витражного искусства в современной архитектуре находятся и в нашей столице — в здании Софийского университета, в Министерстве иностранных дел, в Министерстве обороны, в здании Болгарского народного банка и в бывшем здании Народного суда. Они созданы такими известными болгарскими художниками как Дечко Узунов, Иван Пенков, Георгий Атанасов и другие.

Когда наши делились, конь достался одному из дядьев. Верно, и мы крайне нуждались в такой домашней скотинке, да уж куда нам было — ни сена, ни соломы вдоволь. Приходилось обивать пороги односельчан. Одни бывало, сжалются над нами, а другие откажут наотрез:

— Живой товар взаймы не даем. Мало ли чего может случиться, за ним глаз да глаз нужен. . .

И хотя мы с похвальным рвением ухаживали за чужим животным, урезая и без того скудный пай нашей коровы Лисы, — лишь бы не ударить в грязь лицом, — дела наши были неважные. И стали мы думать да гадать, как бы найти какой выход. Как-то раз пришел к нам мамин брат Тасе. Выслушал ее слезные жалобы, призадумался, а потом подкрутил ус и сказал:

— Не остается ничего другого, как осла купить. Единственное ваше спасение.

С того дня, как дядя заразил нас этой идеей, в доме только и было разговоров, что об осле. Лучшей скотинки для таких, как мы, безлошадных, и не сыскать. Однажды мама с братом, будто сговорившись, заявили в один голос:

— Будь что будет, а осла купим. Деньжат подобрали, как раз на осла хватит. . . Завтра Петров день, Коритенская ярмарка. . .

Спозаранку мы отправились в путь и прибыли на ярмарку еще до полудня. На большой поляне кружились, раскачивались пестрые хороводы, музыканты наяривали, что есть мочи, зычно выкрикивали заводилы. Голоса их сливались в один хор с лоточниками, на все лады расхваливающими свой товар. А рядом с дубнячком коновалы прохаживали лошадей. Были тут и ухоженные жеребцы, и такие клячи, что смотреть жалко. Несколько ослов в сторонке кротко пощипывали прибитую сотнями ног траву. Мы так и уставились на них. Осматривали, оценивали. Одни покрупнее, с лохматыми ушами торчком; другие, будто остриженные под машинку. Тут же брыкались ослята. Пристально всматриваясь, мы с нетерпением поджидали дядю Тасе. Какие из нас торговцы скотом, коли до сих пор мы паршивой овцы не купили, а уж что там и говорить об осле. . . Иное дело, когда рядом свой, знающий толк, человек. Наши глаза радостно засветились, когда мы заметили пробивающегося сквозь толпу дядю Тасе.

— За этого что просишь? — осведомлялся дядя. — Сколько товару осилит?

Хозяин называл свою цену. А мама, знай себе, только одно и твердила:

— Главное, чтоб корму поменьше, а уж сколько осилит, столько и осилит. . .

Но дядя Тасе явно подыскивал крепыша, иначе, мол, кому нужен слабак, который и

ОСЛИЦА

Рассказ
КРУМА ГРИГОРОВА

мальчонку не подымет.

— А вон тот вам не приглянулся, что горовчанин продает? Да вот же, тот мужичок в онучах и латаных-перелатаных штанах. Видать, такой же богатей, что и покупатель. Но коли ему служила эта скотинка, значит и вам послужит. . . Важно, что это ослица. Глядишь, со временем прибыль живую принесет. . .

Слова дяди Тасе ублажали наши души. Сладкоречивый был у меня дядька, однако слов на ветер не бросал. Глаз у него был наметанный, мог он с лету оценить, что кому по карману. . . Наконец-то мы решились и купили ослицу. Не знаю, радовались ли мать с братом, я же места себе не находил от счастья. Ослица выглядела ласковой, кроткой. Мы удосужились даже покататься на ней.

От всей души мы поблагодарили продавца и дядю. И тронулись в обратный путь. Верно, стоял летний, долгий день, но пока мы торговались, пока глазели по сторонам да разъезжали на ослице, солнце стало клониться к закату, тени вытянулись, сгустились. Мама вела ослицу за поводья, я сидел верхом, а брат шагал сбоку. Время от времени он поглаживал животное, прядущее длинными ушами. А ведь вся красота осла в длиннющих ушах да в реве. Так, по крайней мере, уверял нас его бывший хозяин.

— Мы, — говорит, — свыклись с ослиным ревом, без него разве ж это село?! Глушь одна. У кого есть осел, тому швейцарских часов не надо!

Слово за слово, разговор все вокруг ослицы вертелся. Наконец, добрались мы до

Иллюстрация РУМЕНА СКОРЧЕВА

дома. Тут соседи повалили к нам поглядеть на нашу покупку. Одни посмеивались, а безлошадные, вроде нас, даже завидовали.

Но, как говорится, любого чуда на три дня хватает. Постепенно свыклись с нашей ослицей. Я пас ее в свободное от уроков время. Иногда выводил на Рид, где у нас было маленькое поле, поросшее репейником. Вытянулся он в рост человека, будто ухоженный заботливой рукой. Похрупывала наша ослица лилово-красными цветочками, чувствуя себя так, словно паслась в лугах разнотравных. А меня просто распирало от гордости, когда я гарцевал, уверенно сидя на ее покато́й спине. Без ослицы с тех пор мы никуда ни ногой. Даже к дяде в гости вместе с нею отправились. Он встретил нас у ворот и, улыбаясь до ушей, крикнул:

— Я же говорил, что лучшего вам не сыскать! Мы вам мешок с грушами приготовили, вот и отвезете. Пусть полакомятся и другие домочадцы.

Мы и груши привезли, и арбузы. Кто-то посоветовал нам сделать маленькую тележку, тогда, мол, сможем по трое-четверо ездить. Дед Васил смастерил тележку, да не простую, а расписную. Запрягли мы в нее нашу ослицу и отправились на ярмарку. К тому времени у нас уж и осленок появился. Нарadowаться на него не могли.

Все шло хорошо. Единственное, что нас угнетало, так это наше поле. Верно, всего с пятачок, но ведь и его пахать надо. Корова наша состарилась, не справиться ей одной с плугом. И тут нас снова дядя надушил:

— Некоторые ставят корову с ослом в одну упряжь. Почему бы и вам не попробовать? С одного боку ослица, с другого Лиса — вот и вся недолга. А подрастет осленок, корове и на покой можно будет. . .

В бесcчетный раз мы убеждались, какой умнейший человек наш дядя Тасе.

Запрягли мы ослицу с Лисой и отправились с матерью на поле.

Я налегал на ручку плуга, мать вела животных под уздцы. Сначала они шарахались в разные стороны, потом дело пошло на лад. Как раз в ту пору проходил мимо нас странствующий фотограф. Он взял да и щелкнул нас. Так ослица и корова, запряженные в одну упряжку, оказались запечатленными на фотографии. Затем в газетах появились карикатуры Стояна Венева, изображавшие таких, как мы, крестьян, пахущих на корове и осле в одной упряжи.

Я берегу фотографию, и некоторые из карикатур. Показывая гостям семейный альбом, я не без гордости демонстрирую этот снимок. А рассматривая карикатуры Стояна Венева, мы смеемся до слез и говорим:

— Эх, хорошее было времечко, но не дай бог, чтоб оно воротилось. . .

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПАЛИТРА

РОСЕН ВАСИЛЕВ

* * *

В жизни все отмерено и точно —
смена лет, сезонов.

Оттого
ничего не в силах мы отсрочить,
задержать не можем ничего.

Есть над нами строгие законы. . .
Но, как звякнет где-нибудь коса,
то припомним мы за этим звоном,
как блеснула первая роса.

Нас обдаст такую чистотою
и таким теплом согреет нас!
По земле мы долго шли с тобою
с жадным блеском любопытных глаз.

Долго мы довольствовались жизнью.
Среди росных трав в суровый миг
отзовется в нас и громко брызнет,
как предупреждение, теплый крик.

Перевод Л. КОНДРАШЕНКО

ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВ

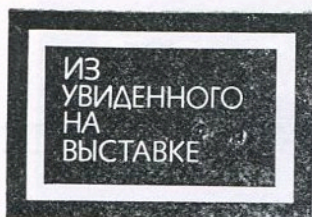
МИР

Мир — мой сынишка озорной.
С утра сорвался, непоседа,
жмет на педаль велосипеда,
по лужам шлепает, босой.
Лихой защитник голубей,
ковбой, заядлый почемучка,
болтается на шее ключик
от наших запертых дверей.
Я днем тревожусь потому,
что близко ходят электрички,
что дождь на улице и стычки
у разыгравшихся в войну.
Боюсь, бесстрашный мой простак
ни в чем опасности не видит
и во дворе его обидают —
для смеха или просто так.
Не знаю, кто его враги,
а кто — друзья, что будет дальше,
его ударят, он ударит. . .
Глаза у страха велики.

Но вот и шесть. Спешу домой.
И вижу — мир сияет снова,
из пистолета водяного
в герань стреляет мой герой.

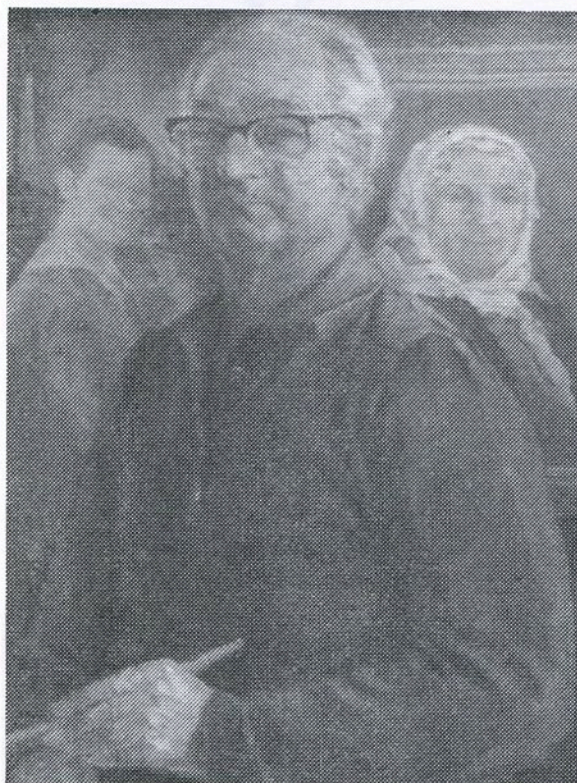
Перевод А. НАЛЬ

ВЫСТАВКА РАБОТ ПРОФ. ПАНАЙОТА ПАНАЙОТОВА

ВЫСТАВКА РУМЫНСКОГО ХУДОЖНИКА ВНОРЕЛА МАРДЖИНЕАНА

Ларь

В мастерской (Автопортрет)

На холме

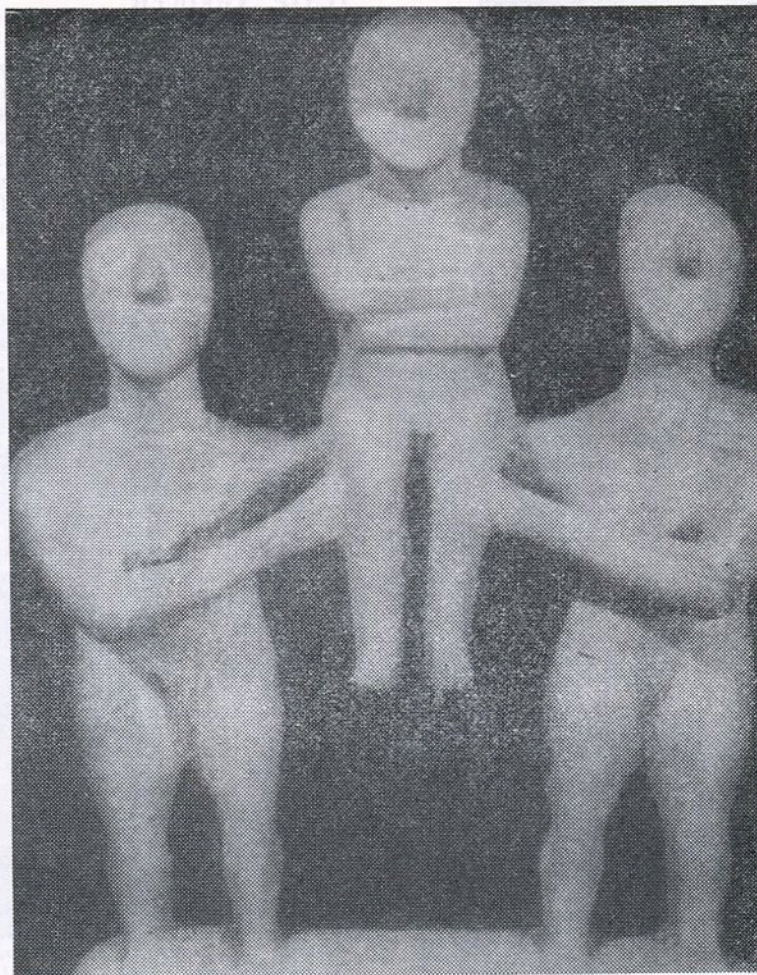
В полдень

СТАТУЭТКАМ ПЯТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ

Их родина Киклады — группа островов в Эгейском море. Долгое время о фигурках никто не вспоминал, и только в двадцатых-тридцатых годах нашего столетия людям открылась их красота.

Выставка „Искусство Киклад“ собрала в Брюсселе многочисленных ценителей древнего искусства. Коллекция содержала около двухсот статуэток и глиняных сосудов эпохи расцвета островов Киклады (3000—2000 годы до нашей эры).

так как изображения напоминали конкретные вещи, которые представляли.

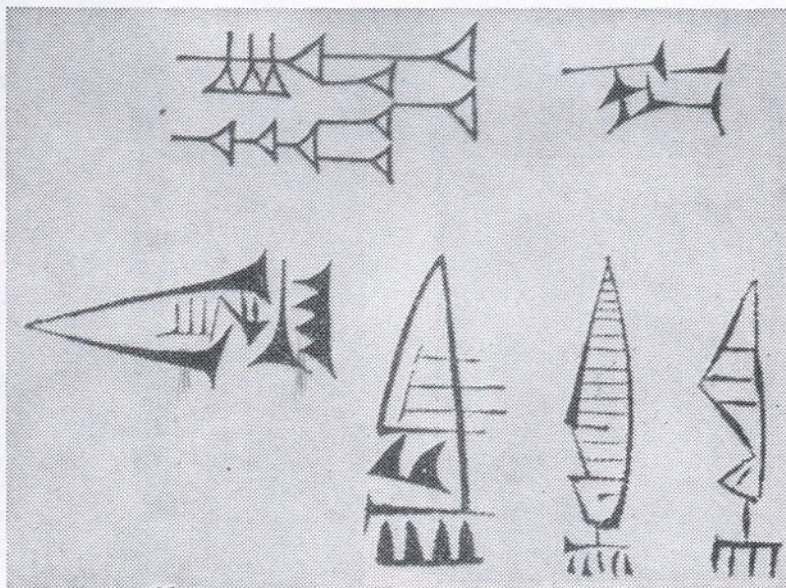
2800 годами до нашей эры датируется письменность дру-

гого народа — египтян. Она в корне отличается от шумерской. Египетское письмо греки называли иероглифами (хиерос — священный, глифе — вырезаю).

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ

Самые древние известные нам письмена называются пиктографией, что означает „в образах“. Придумали эту письменность шумеры, населявшие Среднюю и Южную Месопотамию в период между IV и II тысячелетием до н. э. Пять-шесть столетий спустя она становится идеографической и каждый отдельный знак уже означает слово или целую фразу. Внешние символы напоминают клинья, откуда и название письменности — клинопись.

Ученые считают, что шумеры были первооткрывателями графической системы, которая в большей степени отвечала разговорному языку. Читать пиктограммы было не слишком трудно,

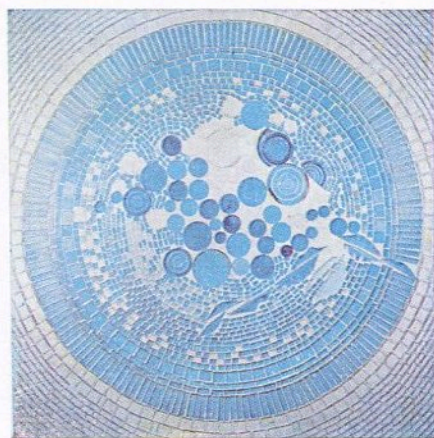

БОРИС АНГЕЛУШЕВ — Иллюстрация к „Чешским сказкам“ К. Я. Эрбена

С ВЫСТАВКИ ЕКАТЕРИНЫ ГЕЦОВОЙ „ЦВЕТНОЕ ДЕКОРАТИВНОЕ СТЕКЛО“

Художница Екатерина Гецова окончила Академию прикладных искусств в Праге (ЧССР) в 1971 году, по специальности она дизайнер стекла, работала в мастерской профессора Либенского.

Гецова участвует в Общих художественных выставках прикладных искусств у нас, а также и в СССР, Венгрии, Испании, Чехословакии. За дизайн ей присуждена большая международная награда в Валенсии (Испания) и награда Комитета культуры НРБ за целокупное творчество.

